АНДРЕЙ ЛИСЬЕВ

НЕ ПРОЩАЕМСЯ

«ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА» СВО

Андрей Владимирович Лисьев

Не прощаемся. «Лейтенантская проза» СВО

Серия «Военная проза XXI века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69230800
Не прощаемся. «Лейтенантская проза» СВО: Яуза; Москва; 2023
ISBN 978-5-00155-594-0

Аннотация

Сентябрь 2022 года… Российские десантники держат оборону в степи под Херсоном. Их мало, за их спиной – Днепр. И ответ на вопрос «Зачем мы здесь?» превращается в знаменитый девиз ВДВ «Никто, кроме нас!». Эта фронтовая повесть – первый образец «лейтенантской прозы», написанный в ходе специальной военной операции на Украине. Автор, очевидец описываемых событий, во всех подробностях рассказывает о тяжелой боевой работе бойцов Воздушно-десантных войск Российской Федерации, сражающихся за будущее Русского мира.

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 31
Глава 4 38
Глава 5 52
Глава 6 65
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Андрей Владимирович Лисьев
Не прощаемся. «Лейтенантская проза» СВО

© Лисьев А.В., 2023
© ООО «Яуза-каталог», 2023

* * *

«ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА» СВО

АНДРЕЙ ЛИСЬЕВ

НЕ ПРОЩАЕМСЯ!

«ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ ПРОЗА» СВО

ЯУЗА
МОСКВА
2023

«Тщетно двинется на Россию вся Европа: она найдет здесь Леонида, Фермопилы и свой гроб.»
А.В. Суворов

Книга написана на основе реальных событий. Диалоги, реплики, портреты героев – подлинные. По соображениям безопасности изменены позывные, имена персонажей, нумерация частей, названия населенных пунктов. Совпадения персонажей с реальными лицами возможны, но не обязательны.

Глава 1
Родину не выбирают

– Нам еще в 2010-м, когда учился, объяснили, что будет большая война, – седой майор-пограничник, вытянув шею, заглядывает сквозь лобовое стекло черного микроавтобуса марки «Ситроен». Там на «торпеде» вверх ногами лежит листок – боевое распоряжение на доставку гуманитарки. – Вы военный?

– Пока нет, – «Проза» теребит в кармане смартфон, на него только что пришло сообщение.

«Проза» перед поездкой постригся наголо, потому седина не видна, и он выглядит моложе своих лет.

Под навесом пункта пропуска проходят таможенный и паспортный контроль четыре колонны по три-четыре машины одновременно. На них со всех сторон направлены прожекторы, поэтому светло как днем.

– И зачем вам это надо? – майор пожимает плечами. – Впереди самое горячее время.

– Понимаете… Наше поколение ничего не сделало для страны. Поколение Путина свой вклад внесло, наши детки делают свой вклад сейчас… Потом и кровью, – «Проза» выдерживает пристальный взгляд пограничника. – А мы так… Немного денег заработали – и все… Я должен попро-

бовать. Это будет мой скромный вклад. Мой «подход к снаряду».

Майор улыбается, а «Проза» обводит руками коробки в минивэне:

– У нашего поколения никогда не было чувства большого общего дела. А теперь оно есть.

К микроавтобусу, все дверцы которого заранее открыты, подходит второй пограничник с зеркалом на длинной рукоятке.

– Военное что-то везете? Оружие, квадрокоптеры, прицелы, тепловизоры?

– Нет, только трусы, носки, футболки, принтер и бумагу к нему. Кровеостанавливающее.

– Удачи!

Майор машет рукой, и пограничник с зеркалом проходит дальше. «Проза», наконец, может прочесть сообщение, пришедшее на смартфон:

«“Проза”, жду Вас в 7 км от военного КПП. Номера снимите. “Неон”».

«Нормальный позывной мне нашли», – думает “Проза”.

Перед «ситроеном» стоят два дорогих «мерседеса» с чувашскими номерами. Угрюмые водители, явно братья, усаживаются каждый в свою машину. Спутница одного из них, увидев букву V из скотча на лобовом стекле «ситроена», улыбается и поднимает большой палец вверх. Водитель сто-

ящего позади «жигуленка» с крымскими номерами, размахивая руками, бежит к «Прозе»:

– Идите скорее на паспортный контроль, моя жена вам очередь заняла, а то мы без вас… никак… не сдвинемся.

«Проза» встает за женщиной и слышит ее ответ на вопрос пограничника:

– В Мариуполь!

Через пять километров, проехав военный блокпост, «Проза» останавливается снять номера и осмотреться.

Рассвет. Слева видны серые стены древней крепости. Возможно, это стилизация под древность. Проверить? Не получается. Зоны покрытия здесь нет. «Прозе» приходится отвыкать от привычки лезть в Википедию с любым вопросом.

Справа красный шар отрывается от поверхности Сиваша и постепенно наливается огнем. День будет жаркий.

Два вертолета: «кашка» – Ка-52 и «мишка» – Ми-28 с рокотом проходят на бреющем через солнечный диск.

Следующая остановка – у придорожного кафе. Хозяева, двое мужчин, один – смуглый грек лет 45, второй постарше и седой, разглядывают букву V на стекле с опаской. «Проза» протягивает термос:

– Четыре американо, пожалуйста.

– А сколько сюда влезет?

– Не знаю, – пожимает плечами «Проза», – это термос жены.

Они улыбаются, заходит женщина, которая забирает тер-

мос.

Мужчины расслабляются.

– Русские пришли – воровство прекратилось, – говорит молодой. – Раньше страх как было. Тащили все! А сейчас вот не запираемся.

– Мы вам пятую чашку налили, – старик возвращает термос. – Бесплатно.

На перекрестке мигает фарами белый «рено-дастер» без номеров, но с буквой V на лобовом. «Прозу» встречают. Молодой ладный военный без погон выходит из «рено»:

– Вы «Проза»? – протягивает руку для рукопожатия и представляется: – «Неон».

«Проза» просит ехать помедленнее – жалко электронику в багажнике. Дороги Херсонщины в жутком состоянии, результат тридцати лет бесхозяйственности. Первое впечатление – шок.

Пока «Проза» высматривает колдобины на дороге, игнорируя разметку, «рено» и «ситроен» как стоячих обгоняют два военных КамАЗа. Вот кому выбоины на асфальте нипочем.

Дороги пустые. Деревни безлюдные. Из любопытства «Проза» считает встречные гражданские машины, за сто шестьдесят километров всего двенадцать легковых и три зерновоза. Видимо, эти тяжелые грузовики и намесили горбы из расплавленного жарой асфальта, между которыми приходится лавировать.

Двигатель груженого минивэна греется, но пока не критично.

Идиотские матерные надписи на асфальте, тридцать лет не знавшем ремонта, и сгоревшая техника – вот и все, что осталось от украинского государства.

Наконец «Проза» переезжает знаменитый Каховский мост. Американцы почти каждый день бьют по нему HIMARSами, поэтому машины пересекают Днепр по одной. «Проза» аккуратно объезжает метровые круглые дырки, пробитые ракетами в пролете моста. Американцы выбрали пролет на изгибе и бьют, целясь в одно и то же место. Дырок в асфальте две, третья залита свежим бетоном. На столбах и перилах моста колышутся сваренные из металла уголковые отражатели. Их задача вводить в заблуждение головки самонаведения HIMARSов.

На командный пункт полка (КП) «Проза» прибывает в сумерках.

Штаб расположен в подвале трехэтажного офисного здания, верхние этажи – пустые. Напротив, в кустах, кирпичное здание туалета – две дырки в полу, гаражные боксы, где прячутся военные УАЗы и размещается столовая, – ничего не изменилось с 80-х.

С крыльца здания спускаются несколько десантников. Крепко сбитый парень в зеленой футболке, перетянутой широкими подтяжками камуфляжных штанов, колет гостя льдинками серых глаз, но узнает «Прозу», улыбается. Позыв-

ной начальника штаба полка – «Дрозд».

«Проза» вспоминает «Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР»:

– Товарищ полковник, представляюсь по случаю прибытия в творческую командировку.

Звание подполковник здесь, как и в Советской армии, произносят, опуская приставку «под». Невинно льстят старшим офицерам.

Бойцы разгружают минивэн, гуманитарку раскладывают на три кучки: одежда – замотылу, медикаменты – начмеду, оргтехника – штабу. Интересно, гуманитарка хранит тепло рук москвичей, покупавших и грузивших ее? «Проза» вспоминает разговор с пограничником и рассматривает лица и одежду бойцов.

Все одеты небрежно, разномастные берцы и футболки всех видов зеленого и черного, камуфляжные штаны, тоже разные. Никаких головных уборов, несмотря на жару, никаких знаков отличия. Ни один снайпер не догадается, кто среди них офицер.

Не дожидаясь, пока гуманитарку унесут со двора, «Проза» паркует «ситроен» под иву капотом в куст. Маскировка.

«Дрозд» доводит до него распорядок дня:

– Подъем в шесть, завтрак в семь, утреннее совещание в восемь.

– А зарядка есть?

– Конечно! Вот такая! – «Дрозд» усердно трет кулаками

глаза.

«Проза» хихикает:

– А отбой?

– Как получится.

Командир полка только что приехал с передового пункта управления (ППУ) на КП помыться, узнать тыловые новости. Позывной командира полка – «Аляска».

Когда в штабе заканчивается совещание, «Прозу» приглашают вниз познакомиться с «Аляской». Пока полковник общается с офицерами, «Проза» изучает его живое лицо, остатки чуба между залысин и несколько морщин на высоком лбу.

– И он чо? Слабонул? – Когда «Аляска» говорит, то и дело приподнимает правую бровь.

В центре подвального помещения стоят три стола, накрытые огромной картой. Комполка и начштаба склоняются над ней. Остальные столы выставлены в ряд лицом к стене. Спиной к командирам за компьютерами сидят связисты, секретчик и «Неон». Двое возятся с плоттером. На стенах схемы и два православных стяга: красный с изображением Спасителя и синий с изображением Казанской иконы Божией Матери.

Командир полка лучше всех понимает, зачем «Проза» приехал на фронт. Его ожидания от будущей книги самые высокие. «Проза» и «Аляска» говорят обо всем подряд, сбиваясь с одной темы на другую. «Аляска» живет вой-

ной. Осматривает выделенную ему кровать и стол в соседней комнатушке, вздыхает:

– Нет, не могу остаться. Сердце – там, за ребят болит.

«Проза» обещает записать и передать ему впечатления «человека со стороны», и «Аляска» уезжает обратно, на передок.

– Проблема одна – мух столько, что норовят унести штабные документы, – «Дрозд» показывает «Прозе» место для ночлега.

Но там душно, потому «Проза» выходит во двор, ищет, с кем познакомиться. Уже стемнело. Бойцы под руководством крепкого здоровяка, вдвое шире «Прозы» в плечах, заряжают ленту автоматического гранатомета. Сам АГС стоит здесь же – в кузове уазика-профи.

– Когда челябинские мужики падают лицом в асфальт, кровь идет из асфальта! – это замполит, подполковник «Пустельга».

В черном небе вспыхивает красный шарик. Он напоминает салют, только на большой высоте. Потом еще один и еще. Долетает звук первого взрыва. Это «панцири» сбивают HIMARSы. Кто-то за спиной «Прозы» считает разрывы:

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, – по голосу «Проза» узнает «Неона», старшего лейтенанта заместителя начальника штаба назначили его нянькой. – Эх!

«Неон» матерится:

– А вот теперь прилеты!

«Проза» оборачивается спросить, почему «Неон» считает не все звуки разрывов, но старлей уже догадался, о чем его хотят спросить:

– Прилетов четыре. Все, как всегда, восемь из двенадцати сбили, четыре попали.

– И вот же суки, всегда бьют в один и тот же пролет, – говорит кто-то из темноты.

– А как вы различаете звуки?

– У выхода звук одинарный – «бах», а у прилета сдвоенный – «бабах», – объясняет Неон.

– Но «бахов» было больше, – ворчит «Проза».

– Первый звук – взрыв в небе, второй – до нас доходит звук старта «панциря», если сдвоенный звук – то прилет.

Офицеры ужинают после солдат. Котел – общий. Каша, тушенка, нарезка из огурцов и помидоров. Обсуждают гуманитарку. «Проза» рассказывает:

– Грузил гуманитарку. Подогнал минивэн к пункту «Озона», багажник распахнул. «Озон» ящики «зажал», сотрудник сканирует каждую упаковку носков, футболок. Минут двадцать. Жарко, душно, кондиционера нет. Очередь собралась человек десять, молодые и старые, русские и нерусские, с детьми и без. Москвичи. И – верите? Никто не издал ни звука возмущения. Все все поняли. Пока я туда-сюда таскал груз, обсудили между собой защитный цвет футболок. Догадались, что не я буду носить 400 пар носков. И за коробками предложили сбегать. И погрузиться помогли, все, что

уронил, – подобрали и поднесли. Что-то в атмосфере изменилось. А говорят – в Москве сплошь либералы и «нетвойняшки». Вас не парит, что кто-то в тылу не поддерживает спецоперацию?

«Проза» задает вопрос сразу всем, но отвечает зам по тылу «Синица». У него звонкий металлический голос, на правой руке он теребит браслет-четки с крестиком.

– А знаете, Андрей Владимирыч, а нам – похер. Без них победим. «Нетвойняшки» – тоже наша Родина, а Родину не выбирают. Сами справимся. В спину не стреляют, и слава Богу.

Глава 2
Черные пакеты

Начальство решило, что знакомство с десантниками лучше начать с дивизионного госпиталя, и отправило «Прозу» в Берислав отвезти заболевшего солдата.

Лицо Мурата одного цвета с листом направления, который он прижимает к груди ладонью. На сгибе локтя левой руки – рюкзак. Мурат садится в минивэн:

– Один вопрос – на-хе-ра?

Ругательство он произносит по слогам. Это не первый подобный вопрос, который «Проза» слышит от рядовых.

На перекрестке – указатель: налево – Херсон, направо – Берислав. «Проза» поворачивает направо.

– Для меня самым ярким эпизодом был проход через Чернобыльскую зону, – рассказывает Мурат, – такой драйв! Прямо «Безумный Макс» какой-то! Я увидал все! Даже о чем и мечтать не смел. И саркофаг, и брошенные дома, и рыжий лес!

– Не страшно было?

– Вы про радиацию? Нет, не страшно. Страшно было потом.

«Проза» молчит. А Мурат продолжает:

– Например, нам сказали, что у хохлов нет авиации, но потом прилетел вертолет с двумя полосками и обстрелял дорогу. Мой лучший друг погиб. Он в кабине сидел. Потом Буча, Ирпень…

Мурат замолкает. «Проза» взмахом руки приветствует солдат на блокпосту.

– Если бы мне предложили еще раз… Нет, ни за что! Война не имеет смысла. Никакая война не имеет смысла.

«Проза» с удивлением смотрит на собеседника. Лицо Мурата угрюмо.

Информационное обеспечение специальной военной операции полностью провалено. С рядовыми контрактниками никто не разговаривал ни тогда, ни сейчас. Зачем, почему мы пришли на Украину? С кем мы воюем? Никто нашим десантникам не объяснял. Они жили на учениях в палатках в белорусском лесу, собирались уже уезжать, когда поступил приказ… и они поехали на юг. Солдаты не видели ни Путина на Совете национальной безопасности, ни обращения Путина к нации – ничего. Ни одной мало-мальской политинформации. Для «Прозы», несостоявшегося советского офицера-политработника, это открытие неприятно. Рядовые видят перед собой только бруствер окопа и не видят цели войны.

– Но, с другой стороны, – говорит «Проза» Мурату, – вон, наш мэр Собянин. Хороший мэр, при нем город стал лучше. Но он же тоже с населением практически не общается. С ни-

зами. Он работает на президента, вверх. Ему лоялен. Печать времени.

Ответ не нравится самому «Прозе», но они уже приехали. «Проза» паркуется у главного входа дивизионного госпиталя, под который отведен один из корпусов городской больницы.

Начальник госпиталя, с позывным «Купол», стриженный наголо блондин со шрамом над левой бровью, сидит на лавочке у входа в приемный покой, тут есть тень от деревьев. «Купол» закуривает и говорит:

– А меня в эту войну преследуют кровати.

Сигарета то и дело исчезает в его огромных крепких ладонях.

– Еще в январе перед учениями в Белоруссии собрал персонал и говорю: «Купите себе раскладушки или складные кровати». Кто-то стуканул, на меня начальство наехало: «Ты зачем подчиненных на деньги ставишь?» А я что? Я ж, чтоб им удобно было, чтоб на земле зимой не спать.

Начальство «Купола» как раз проходит мимо – позывной «Зеркало», два ордена Мужества еще до спецоперации. Начальник медслужбы видит в «ситроене» (боковая дверь сдвинута) пятилитровку кубанского коньяка с надписью «Za победу», сделанную на этикетке фломастером:

– Вот это я понимаю! Можно служить!

«Проза», гражданский шпак, скалит зубы. У «Зеркала» звонит телефон, и начмед ВДВ уходит.

«Купол» затягивается, смотрит начальству вслед, на затылке топорщатся три вертикальные складки.

– И вот выходим мы из Бучи, и в Гомеле меня встречает фура с кроватями для госпиталя. Куда мне целая фура? В поле? Это ж даже не КамАЗ. Первый раз я попытался забыть фуру с кроватями в Белоруссии. Переводят нас в Белгород, начальство тут как тут: «Где кровати? Государство старалось, мы выбили тебе их, а ты?» Хорошо, что белорусы фуру не тронули, привезли мы кровати в Белгород. А потом я потащил их за госпиталем в Попасную. А дальше? Короче, второй раз я «потерял» кровати на Донбассе. Отдал их в местную больницу, люди счастливы. А я… дрожу. Вдруг опять придут и спросят. Куда мне их? Сюда тащить?

«Купол» знакомит «Прозу» с главным врачом больницы, на территории которой развернут госпиталь, а сам уходит.

Бодрый сухой старик Виктор Иванович то и дело теребит рыжие подпалины на седых усах – результат непрерывного курения. Он показывает гостю достопримечательности Берислава.

Вот – кладбище Крымской войны, где хоронили умерших раненых, старинная полуразрушенная часовня, самих могил не осталось, лишь один каменный крест на бугорке среди выжженных солнцем колючек.

На окраине города – православный храм, выстроенный без единого гвоздя, синие деревянные стены, внутри прохладно. Пока «Проза» ставит свечи, Виктор Иванович бесе-

дует с батюшкой.

«Проза» с Виктором Ивановичем – в одном рукопожатии от легендарного белорусского партизана, Героя Советского Союза, Кирилла Орловского, который после войны был председателем не менее легендарного колхоза «Рассвет». Выясняется, что дед «Прозы» и дядя главврача работали с лишившимся за войну обеих рук Орловским.

Теперь Виктор Иванович просто родной человек, «Прозе» хочется обнять его.

Главврач рассказывает о деревне Змеевка, где потомки плененных под Полтавой шведов пели песни на старошведском языке королю Швеции. А король, к приезду которого заасфальтировали дорогу, слушал и плакал.

После экскурсии Виктор Иванович предлагает выпить кофе. Они идут по больничным коридорам в кабинет главврача. «Прозе» обидно и неожиданно натыкаться на холодные колючие взгляды женщин, особенно тех, кто в возрасте его матери. «Я же им ничего не сделал! Откуда столько холода?» – думает «Проза».

А вот на Виктора Ивановича они глядят по-другому. В их взглядах светится вечная женская надежда спрятаться от невзгод за сильную мужскую спину. И старик главврач – тот, на кого можно опереться и заново отстроить государство вместо ушедшего украинского.

В кабинет входит мужчина в спецовке и рассказывает Виктору Ивановичу о нехватке мощности насоса для боль-

ничной скважины. Мужчина говорит по-украински, но едва речь заходит о технике, переключается на безупречный русский. Демонстрация для гостя?

Едва он уходит, «Проза» спрашивает об этом главврача, Виктор Иванович лишь пожимает плечами.

– Херсон – русский регион?

– После войны «западенцев» сюда много завозили.

– На ассимиляцию?

– Так что пополам, – игнорирует вопрос главврач.

– А голосовали за Партию регионов? За пророссийских? – «Прозе» не терпится оценить перспективы предстоящего референдума о воссоединении.

– Голосовали обычно за коммунистов, – улыбается Виктор Иванович.

«Проза» возвращается к госпиталю и садится на скамейку в тени деревьев. Жарко. Все ждут артистов.

Рядом – здоровый на вид боец, в летнем маскхалате на голое тело, на голове бандана. Топчется на месте. Подойти не решается.

С крыльца, хромая на левую ногу, спускается покурить «Акация», артиллерийский подполковник.

– Вспомнил я вам историю, – «Акация» заранее смеется, запрокидывая узкое лицо вверх и сверкая золотым зубом. – Знал я одного подполковника, который вел колонну, а укры подожгли траву. Не видно не зги! И как начали минами лепить. И пришлось этому подполковнику бежать впереди ко-

лонны с фонариком. Бежит он, слушает разрывы и думает: «Какого… я тут делаю?» А из «тигра» сзади кричат: «Товарищ полковник, бегите помедленнее, мы вас теряем!» И побежал подполковник помедленнее. Навстречу БМД, обрадовались. Он им: «Будете головным дозором», а они: «А мы дороги не знаем». – «Хрен с вами, становитесь в колонну».

– А подполковник знал, куда бежать? – перебивает «Проза».

– Да, знал я дорогу!

– Так это были вы?

– Ну да, – «Акация» отмахивается. – Обстрел прекратился, из пожара выбрались, на блокпосту спрашивают: «Размер колонны?» – «28 транспортных средств», – отвечаю. Какое там! Оказалось, что длина колонны – 92 машины и бронетехники. Они в дыму все потерялись, колонну увидели, все решили, что я знаю, куда идти, и присоединились!

Кстати, «Акация» – это не позывной, а кличка. На выходе подполковник наступил на ветку акации, шип пробил и ботинок, и ногу. Теперь «Акация» в госпитале, а кличка заменила позывной.

– Зато у нас в артиллерии нет «пятисотых». Всем дело найдется, даже трусам.

«Пятисотыми» называют тех военнослужащих, кто решил досрочно расторгнуть контракт. Видимо, термин родился по аналогии с «двухсотыми» – погибшими и «трехсотыми» – ранеными.

У «Акации» отекла раненая нога, он уходит в здание.

Рядом останавливается бронеавтомобиль «Тигр», весь в отметках от пуль и осколков, пыльный по самый пулемет на крыше.

Из него двое солдат выводят третьего – калмыка. Он контужен.

– И борода сгорела, – калмык трет левую щеку, на которой бакенбард повис рыжими клочьями.

Товарищи уводят раненого в приемный покой.

Возвращается «Купол» и включает на смартфоне песни своего сына, чтобы «Проза» послушал и высказался.

Вскоре на территорию больницы въезжает колонна из двух «рено-дастеров» и КамАЗа. Это опекающая Бериславадминистрация Пскова привезла коллектив балалаечников выступить перед ранеными.

Пока артисты поют и играют, «Проза» стоит спиной к импровизированной сцене на борту КамАЗа и лицом к зрителям. Ему интересно, как люди отреагируют на живую музыку? Три десятка человек сидят на стульях в тени каштанов.

Сейчас на лицах раненых зажатость, каждый поглощен страданием. Но где-то к четвертой песне музыка делает свое дело. Лица смягчаются, люди начинают получать удовольствие. К седьмой композиции вся аудитория увлечена представлением. Но есть исключения.

Лица пары врачей, нашедших время для концерта, по-прежнему хмурые. Не оттаяли. Не отпустило.

И есть еще один раненый, встретивший «Прозу» враждебно, когда тот вошел в его палату: «Все равно правды не напишите!» Сейчас парень сидит в стороне, не отрываясь от телефона, всем своим видом демонстрирует протест и неприятие концерта.

Зачем пришел тогда?

Артисты раскланиваются под аплодисменты публики и уезжают.

Калмык зажимает нос рукой нос и делает выдох:

– О! Воздух из уха выходит!

– Алексей, – говорит ему медик в зеленом халате, – это значит – барабанная перепонка повреждена.

Раненые уходят в здание госпиталя.

Все ожидали, что на звуки балалаек подтянутся гражданские больные, но никто не пришел.

«Проза» возвращается на прежнюю скамейку.

Солдат в бандане и маскхалате по-прежнему тут. Просит закурить.

– Не курю.

Знакомятся, бойца зовут Иван. «Проза» ведет его в магазин. Покупает еды и просит рассказать пару историй.

«Проза» заметил, что солдатам требуется время привыкнуть к его расспросам. В отличие от офицеров, рядовые зажаты.

Иван, будучи контуженным, две недели назад сбежал в самоволку, по возвращении в госпиталь его выписали. При-

бывший за ним из полка КамАЗ пробил колесо, Ивану велели ждать, и вот он с утра послушно сидит на скамейке. Каждое слово из него приходится вытягивать.

– А ты раньше был ранен?

– Да. Весной попал под фосфор.

– Долго лечили?

– Четыре месяца в госпитале, пересаживали кожу с бедра на бок, – он задирает куртку, демонстрирует малозаметный шрам и собирается снять штаны.

«Проза» жестом останавливает его и поясняет, какие истории ему нужны.

– На моих глазах комполка убило. Мина! Без каски был…

«Проза» ждет продолжения.

– А еще мы однажды снайпершу поймали. Ну не совсем мы. Мы карточки местным раздавали – куда звонить, если встретят незнакомого. И вот прибегает женщина, говорит, видели чужачку. Мы бегом! Нашли только лежку, винтовку и вещи. Решили село прочесать, а ее уже местные жительницы поймали и прилично так космы ей надергали. Еле отбили.

– А что потом?

– Сдали фейсам… биатлонистка… оказалась…из Прибалтики.

– Это здесь было?

– Нет. Попасная.

Он некоторое время молчит.

– А раньше где служил?

– СОБР, снайпер. Я вашу Москву хорошо знаю.

– А сейчас снайпер?

– Не. Пулеметчик.

«Проза» вспоминает, как в юности один раз стрелял из РПК.

– Говно, а не пулемет. ПКП лучше, – авторитетно заявляет Иван.

– Почему?

– Три магазина… стволы перегреваются… он начинает пулями плеваться. Видно, как пули впереди на землю падают… Рядом совсем.

– А автомат?

– Автомат лучше. Пять магазинов выдерживает, а потом тоже… плюется… надо дать стволу остыть.

Во двор госпиталя влетает пыльный зеленый автобус «Богдан», весь изрешеченный пулями, осколками, на грязном борту небрежно намалеван зеленый крест и несколько букв Z.

Из кабины вываливается маленький тощий пожилой шофер:

– У нас тяжелый!

«Проза» с Иваном бегут к кормовой двери автобуса, откуда двое ополченцев вытаскивают носилки. Из приемного покоя уже выбегают медики. Им помощь не требуется. Раненый в одних трусах, желтое лицо посечено осколками, попе-

рек груди бинт.

– В сознании? – кричит санитар справа.

– Нет! – отвечает водитель автобуса.

Стопы раненого безжизненно болтаются, когда носилки уносят в приемный покой. Санитарный автобус уезжает так быстро, словно его преследуют.

«Проза» и Иван возвращаются на скамейку.

– А куда была рана? – спрашивает солдат.

– Я видел на груди повязку.

– Не показывай на себе! – резко обрывает боец «Прозу». – Нельзя!

Они молчат.

Через пять минут из главного входа двое санитаров выносят носилки с телом в черном пакете, грузят в госпитальную «санитарку» – двухосный КамАЗ с кунгом – и уезжают. Вот так вот, почти на глазах «Прозы» умер человек. Пять минут, и все.

«Купол» выходит покурить, садится рядом на лавку:

– Черные пакеты словно растут под деревом. Мы их увозим, а они появляются снова, то больше, то меньше. Но никогда они не исчезают.

«Проза» в недоумении смотрит под дерево, откуда уехала труповозка.

– Не здесь. Это фраза с прошлого места. Я тогда подумал об этом. Сюр какой-то.

«Купол» тушит окурок.

Вопрос Ивана «Проза» не слышит, только ответ начальника госпиталя:

– В спину, истек кровью… Они его пустого уже привезли. Мы ничего не смогли сделать. И неизвестно, ни кто он, ни откуда.

– А жетон?

– Не все его носят, – отвечает Иван и вытаскивает свой жетон поверх маскировочной куртки.

У него, как и у «Прозы», на одной цепочке с жетоном крестик.

«Купол» уходит.

– Давай я тебе почитаю. У меня есть рассказ про смерть. Короткий. Мне важно твое мнение.

«Проза» идет в машину за сборником, куда включены его рассказы, а когда возвращается, видит молодую женщину на соседней скамейке. Тени деревьев на больничной аллее немного, значит, ей тоже придется слушать. Девушка утыкается в телефон. «Проза» читает вслух три коротких рассказа.

Ивану они нравятся. После третьего «Проза» вспоминает Пушкина и Наталью Гончарову:

– Девушка, мы вас не раздражаем?

– Нет, хорошие рассказы.

– Иван, извини! – «Проза» хлопает солдата по плечу и пересаживается на скамейку к женщине.

Она – вдова комбата, который погиб, спасая своих солдат.

У нее двое детей.

Глава 3
Пятисотые

– На эту колбасу даже мухи не садятся! – рекламирует закуску замполит.

Завтракают впятером: начштаба «Дрозд», зам. по тылу «Синица», зам. по вооружению «Кречет», замполит «Пустельга» – четыре подполковника и «Проза».

Еды вдоволь, можно приходить дважды – никто не откажет. Два повара управляются со всем. Гарнир – каша или макароны, всегда тушенка – трижды в день, на обед – щи. Сахара в чае, как в кока-коле, аж зубы сводит, но приходится терпеть – служат в основном молодые мальчишки, их мозгам нужна глюкоза.

Плюс печенье, пряники, лишь иногда вместо хлеба галеты. Офицеры для разнообразия меню покупают себе яйца, овощи и фрукты. Арбузы всем уже осточертели, много винограда и персиков.

– Андрей Владимирович, – осторожно начинает «Дрозд», – как тебе наш бардак? Не смущает?

– Не смущает. Везде бардак! И на гражданке тоже! – успокаивает «Проза» начштаба. – Главное – педали крутятся и велосипед едет! Худо-бедно, но едет! Не падает. Вот украинцам педали крутят американцы, а их велосипед не едет.

За одним столом с «Прозой» сидят те, кто «крутит педали» всего полка. Зам по тылу по очереди с начпродом возят на передок питание и снаряжение. Зам. по вооружению снабжает полк техникой и боеприпасами, отвечает за эвакуацию подбитой и неисправной техники в ремонт. Замполит ездит за рулем лично, возит с передка бойцов на отдых и обратно. Акция «помой яйца бойцам» – так он это называет. Начштаба единственный изнывает в штабе без права покидать его.

«Проза» выходит посидеть на крыльце, молча наблюдает, слушает. Собрал складную туристическую лопатку и ищет, перед кем ею похвастаться.

Рядом разговаривают два юных контрактника. На «Прозу» внимания не обращают. Говорят о гражданке. Один – логист, второй – экономист. Потом обсуждают бронежилеты. «Проза» прислушивается.

– Я свой «ратник» сразу выкинул, говно, а не броник, – говорит логист, – бежать пригнувшись ну никак не получается, нижний край в бедра упирается. Больно!

– А если обвес на грудь перевесить, под ногами ничего не видно, – соглашается экономист, – вот только «плитник» хрен достанешь.

«Проза» уносит в машину лопатку, садится на водительское место, опускает стекла. Решает – стоит ли погонять кондиционер или попробовать поймать сквозняк? Улитка неспешно ползет по ветке через открытое окно. Спасения

от жары нет. От сортира пованивает.

Подъезжает УАЗ-«Пикап», за рулем замполит «Пустельга». Привез четверых бойцов с передка на пару дней отдохнуть и помыться.

У людей «только что с передка» особый взгляд. Они явно контужены. Говорить в состоянии только один, дедушка кавказской внешности. Остальные ищут взглядом, куда упасть и уснуть. Они даже между собой не разговаривают.

По двору бродит еще один солдат, тоже «пожилой». Он пристает ко всем подряд офицерам, ищет ПНВ на СВД. «Проза» не понимает:

– О чем он?

Замполит хихикает и расшифровывает:

– Прибор ночного видения на снайперскую винтовку Драгунова.

– Владимирович, – говорит замполит, – не хочешь со мной ночью на передок смотаться?

И косится ехидно так.

– Конечно, хочу!

«Проза» понимает, что легально его на передок не пустят. Он также понимает, что «Пустельга» проверяет его «на вшивость».

Они договариваются о встрече ночью. «Пустельга» уходит, к «Прозе» подходит голый до пояса смуглый боец.

– А вы правда про нас книгу пишете?

Сергей на год младше «Прозы», он зенитчик, «сто лет во-

юет». Старший техник зенитно-ракетной батареи, а так как у украинцев не осталось авиации, то все зенитчики на передке, как пехота. Сергей приехал отправлять в тыловой район последнюю «Стрелу-10». За ненадобностью.

Он рассказывает о мирных жителях. Под Киевом полк проходил районы богатых пригородов – местной Рублевки, и люди смотрели на десантников зло, ругались. Даже когда им никто не угрожал, демонстративно отворачивались к стене, подняв руки.

Сергей вспоминает:

– Подъезжаем к одному дому, только встали, выбегает женщина: «Помогите, папа повесился!». Поднимаемся в дом, на втором этаже кабинет, в петле покойник, на столе включены два компа, софт для корректировки артиллерии. Нас услышал, испугался и повесился. А лучше всего нас встречали в Луганске, когда шли на Васильевку. До слез! И кормили, и обнимали. Именно там я понял, за кого мы воюем.

– А здесь местные как? – спрашивает «Проза».

– Как? Холодно. Мы им прежнюю жизнь поломали, новую не наладили. Их восемь лет не бомбили, как донецких. Говорят: «Чего вы сюда пришли? У нас нациков не было».

Сергей сплевывает и уходит в душевую. «Проза» удерживает его вопросом:

– А что-нибудь о русском характере?

Сергей улыбается:

– Играли раз в карты в окопе. Начался обстрел, прятаться бы надо, но доиграть хочется. А разрывы все ближе… от обстрелов устали все. А!

– Так доиграли?

– Почему нет? – Сергей уходит.

Около поста с двумя часовыми: они сидят, болтают, не отрываются от смартфонов (ужас по меркам Советской армии), останавливается КамАЗ, оттуда выпрыгивает высокий десантник с двумя рюкзаками – большой за спиной, маленький на груди.

На войне у всех два рюкзака: в большом – личные вещи, он хранится или в расположении батальона, или в грузовике, маленький берут с собой на передок – в нем лежит только самое необходимое.

Боец бравый, ладный, высокий, весь в наклейках, кепи козырьком на затылок, не хватает только тельняшки. Быстрым шагом он проходит в штаб. «Прозе» интересно, он спускается следом.

– Товарищ полковник, – слышит «Проза», – мне бы на передок. К ребятам! От роты семь человек осталось.

Боец гоняет желваки, от чего его рыжая щетина на щеках ходит ходуном. Ему назначают время убытия, он так же стремительно выходит.

– Правда, красавец? – «Проза» не может скрыть восхищения.

– А! – машет рукой «Дрозд». – Они не десантники… На-

емники. Не все так просто.

– Что за рота – семь человек?

– Пятая. Объединили с шестой. Так называемый отряд «Шторм». Там все «краткосрочники» собраны. Потом поговорим.

Ему некогда, он изучает карту. Карте уже три недели, она вся исчеркана карандашными заметками.

«Проза» возвращается на крыльцо, где знакомится с бравым десантником. «Тубус» – москвич, жена с ребенком вернулась в Луганск, а он подписал контракт, сейчас вернулся из отпуска. «Тубус» пишет стихи. До того, как за ним приходит машина, он успевает прочесть одно стихотворение.

Машина привезла четверых, которые в сопровождении водителя спускаются в штаб. Там прохладнее, «Проза» идет следом. Вдруг тоже герои? Но нет. Эти четверо – «пятисотые». «Пятисотые» – бедствие профессиональной армии. Пока «Дрозд» расписывается на их рапортах, «Проза» изучает лица «пятисотых». Один молоденький, с лишним весом блондин – растерян. Двое других худые, высушенные, один молодой, другой постарше – смотрят с вызовом. На лице четвертого равнодушие. Они выходят.

– Вот так, Владимирыч, – обращается к «Прозе» «Дрозд», – здесь они струсили, а вернутся на гражданку, будут всем рассказывать, что командиры – мудаки.

– Почему?

– Психологическая защита. Никто не хочет винить себя

в неудаче. Шел на контракт, мечтал о подвигах, а под обстрелами сломался. Кого винить? Не себя ж любимого. Потому всегда командиры виноваты, – «Дрозд» вытягивает раненную под Киевом ногу и кладет ее на соседний стул, указывая на черный ботинок: – Например, они уверены, что всю импортную экипировку нам Минобороны выделяет… Все эти «ловы», «криспи». А то, что мы все это за свои деньги покупаем, не верят.

Вечером снова стреляют HIMARSы. «Проза» с «Неоном» успевают забежать к часовому на крышу и издалека наблюдают прилеты по мосту Каховской ГЭС. Как и в прошлый раз: четыре из двенадцати.

– Неужели так сложно добавить «панцирей»? – недоумевает «Проза», когда-то окончивший военно-политическое училище ПВО в Ленинграде.

Глава 4
Каждый выбирает по себе

«**П**роза» просыпается на час раньше будильника, сгребает вещи в охапку и на цыпочках идет из спального подвала к машине, где в полной темноте одевается. Выходит к точке встречи, слушает, как замполит будит бойцов. Рядом стоит вчерашний снайпер.

– Нашли вчера ПНВ на СВД? – спрашивает «Проза».

– Нашел.

Андрею-снайперу пятьдесят семь. Они не говорят ни о войне, ни о книгах. Обсуждают, как правильно воспитывать мальчишек. «Проза» жалуется:

– Мой старший сын живет с девушкой-«нетвойняшкой», и наша каждая встреча начинается с его реплики: «Я не понимаю смысла этой войны». Каждый раз я повторяю ему разными словами одно и то же, он кивает, соглашается, а потом все заново: «Зачем мы напали на независимую страну?» Я не могу даже сына убедить…

– Пикуль. Надо было в детстве читать ему Пикуля. Может, и не очень с достоверностью, но правильно мужик материал подавал.

Своего второго номера Андрей зовет Лео. Низкого роста

пожилой боец с усталым печальным лицом и крючковатым носом. Он молчит, видимо, дремлет стоя.

– Каждый должен выбрать свою очередь, – все-таки Лео все слышит, у него спросонья скрипучий голос, – ваш сын тоже однажды выберет свою. Рано или поздно. Отсидеться в стороне не получится. Надолго эта война.

– Каждый выбирает по себе, – цитирует Андрей стихи Левитанского.

Все собрались, и «Проза» не успевает познакомиться с Лео поближе.

Замполит сажает «Прозу» рядом с собой в кабину, остальные бойцы укладываются в кузов «профи» на покрышки и припасы, которые следует отвезти в окопы.

До передовой по прямой не больше сорока километров, но дорога длиннее: шоссе, проселок, какие-то лишенные освещения деревни, пашня и бездорожье.

На передовом пункте управления (ППУ) «Пустельга» просит «Прозу» не высовываться, чтобы не попасть на глаза комполка, его визит сюда с ним не согласован. Некоторое время «Проза» изучает дыру от снаряда в крыше и стене коровника аккурат над умывальником. В остальном повреждений у здания не видно.

Наша артиллерия ведет редкий беспокоящий огонь, и «Проза» учится различать звуки выстрела и прилета.

Следующая остановка – Сухая Балка, где расположена рота связи. Еще темно, видны только скаты землянки.

Наконец, светает, УАЗик едет вдоль передовой справа налево, выгружает припасы, бойцов, забирает других. Пятая совместно с шестой ротой, вторая, половина первой, четвертая – в каждой роте по 15–25 человек. Между ротами окопы охранения, это группы по три-четыре человека, состоящие из зенитчиков, саперов, есть даже приблудившийся артиллерист.

– Ниче, – говорит «Пустельга», – нормально командует.

Выходит, в полку на передке чуть больше ста человек?

Позиции оборудованы в лесопосадке, которая тянется вдоль южного кювета шоссе Краснинское – Белогорская. Севернее – Александровка, северо-восточнее – Бирюзовая, северо-западнее – Благодатовка. Мертвые, безлюдные, темные деревни.

Окопы представляют собой не траншеи, а скорее ячейки – узкие щели. Они предназначены не для боя, а для укрытия от огня артиллерии и минометов. Настилы бревенчатые, тонкие, они не способны защитить ни от мины, ни от снаряда, зато позволяют спрятаться от коптера. Выкопаны окопы ниже уровня дороги, и, чтобы вести огонь из стрелкового оружия, бойцам нужно взобраться чуть выше по скату.

От других лесопосадок передок отличается. Оставшиеся без листвы ветки и стволы деревьев изуродованными черными пальцами устремлены в небо, кусты ободраны и измяты. Повсюду валяется мусор, бутылки с водой и из-под воды, они настолько грязные, что не различишь. Консервы, вскрытые

ящики с боеприпасами вызывают у «Прозы» недоумение.

– Мальчишки, – поясняет «Пустельга», – стараются сначала съесть вкусненькое. А консервы надоели.

С каждой остановкой лица солдат становятся все серьезней, фигуры тех, кто выбирается из кузова, подтянутыми и собранными.

– Не наступи мне на симку! – кричит кому-то Лео.

Все ржут.

У позиции четвертой роты к уазику подходят трое ополченцев, просятся отвезти и их помыться.

– А вы случаем не беженцы? – настороженно спрашивает «Пустельга» и отказывает им: – Без приказа не могу.

На обратном пути замполит показывает «Прозе» полковую бронегруппу – три БМД-4, настолько тщательно замаскированные в лесопосадках, что «Пустельга» подъезжает к ним вплотную, чтобы «Проза» смог их разглядеть.

– А БМД-2 – бестолковая хрень, – говорит «Пустельга». – Тридцатимиллиметровая пушка только против пехоты хороша, а против брони бесполезна. Мы их в тыл убрали.

Уже светло. На заброшенных с весны полях то тут, то там торчат белые кассетницы от украинских «Ураганов». «Проза» различает воронки от мин, они похожи на дырки от HIMARSов, но не такие глубокие.

Возвращаются в Сухую Балку. В свете утра видно, что длина деревни не превышает 800 метров, дома стоят только на одной стороне единственной улицы. Слышно, как ругает-

ся бабка на связистов:

– Топчете мне огород, наши придут – покажут вам!

В соседнем огороде мужчина лет шестидесяти копает картошку. Крошечный песик пасет кур, которые исследуют пашню. Заборов в деревне не осталось.

На обратном пути замполит практикует повороты на полной скорости с помощью «ручника». Выпендривается перед «Прозой». В уазике ревет музыка – личная подборка «Пустельги», кого в ней только нет, но «Проза» узнает только Высоцкого.

Когда выбираются на шоссе, замполит, матершинник и любитель анекдотов, снижает громкость магнитолы и начинает разговор о «пятисотых».

– Понимаешь, Владимирыч. Есть две эмоции: страх и стыд. Сейчас ими овладел страх, и они не могут с ним справиться. А когда вернутся домой, их охватит стыд. Что они не выдержали, струсили, сломались, сбежали. Страх проходит, стыд – нет.

Возвратившись на КП, «Проза» крадется к своей машине, раздевается и с полотенцем и зубной щеткой шлепает тапками в расположение штаба.

И «спящий» начальник штаба встречает его вопросом:

– Так, Андрей Владимирович, где вы были с двух семнадцати утра?

* * *

«Проза» идет за крепким десантником, бредущим из столовой в сторону штаба. Его штаны закатаны до колен, широкие мускулистые икры покрыты черными пятнышками засохшей крови. Он ступает на кабель, поскальзывается на изоляции, но тут же восстанавливает равновесие. Замечает, что едва не оконфузился перед незнакомцем, улыбается смущенно. Здоровается.

Они садятся на крылечко, и Денис любуется лопаткой «Прозы», разбирает и собирает ее, показывает, что для чего, стучит лезвием о твердую как камень землю:

– Хорошая лопатка, может, даже пригодится.

Здесь почти все стригутся налысо, но у Дениса плотный густой русый «ежик». Из-под бурой от пота майки выглядывает пластырь. Денис – зенитчик, но авиации у украинцев почти нет, штатные десантные «Стрелы-10» по коптерам, беспилотникам и ракетам работать не могут. А так как людей не хватает, зенитно-ракетная батарея свои ЗРК сдала, солдат направили в окопы. Квалификации зенитчикам не хватает, поэтому их используют в охранении.

– Мы сегодня нашего старшину пытались отбить из плена. Неудачно, – рассказывает Денис. – У нас слева ополченцы стояли. И вдруг тихо-тихо стало. «Тамбур» послал туда троих во главе с «Кошмаром». Видели же? Лесопосадки то

вдоль фронта, то поперек. Эта была несколько под углом. Как на Благодатовку идти. И вдруг слышим – СШГ взорвалась.

– Что это такое? – «Проза» не понимает аббревиатуру, потому уточняет.

– Светошумовая граната. Один боец приползает ошалевший: «укропы»! Все погибли!» Но «Тамбур»-то понимает, что от СШГ не погибают. Послал меня, Димку и Макса разбираться. Я первым крадуся по посадке, вижу – растяжка. Я ее снял. Впереди укреп ополчей. Слышу – хохлы говорят. Нашего старшину допрашивают.

Денис задирает майку и чешет живот вокруг пластыря.

«Проза» прикидывает, где был сегодня на рассвете. Выходит, что события, о которых Денис рассказывает, происходили чуть дальше за нашим левым флангом, за четвертой ротой. А он и не слышал ничего.

– А как его взяли? – спрашивает «Проза».

Он слышал, что украинцы охотятся за десантниками, и те не хотят сдаваться в плен садистам.

– Шок, небось. Пока в себя пришел – все! Плен! Я Димку с докладом отправил, а мы с Максом отошли от укрепа на двести метров, окопались.

Денис вертит в руках лопатку, шевелит губами, отключился на минуту.

– Ну приходит группа разведчиков и «Тамбур» с ними. Пошли мы в атаку. По нам открыли огонь. Минут десять

бой был. Минометы, потом танк. Слышу «Тамбур» впереди на помощь зовет. А никто не идет к ним. Разведчики отошли. Я пополз, вижу, у командира рука перебита, кровью истекает, и второй боец, не знаю имени, сидит за голову держится. Я его окликнул – не отзывается. Контужен? Я «Тамбура» перевязал и вытащил к нам в пункт эвакуации. Ну и боец этот за мной полз. Возвращаюсь, штурмовая группа в атаку идет. Я с ними. Их комроты «Чили» погиб. Командование принял «Дрезден». Меня гранатой посекло. Но вот, вернулся в строй.

Они смотрят на его голые икры, посеченные осколками.

– Хрень… на излете уже. Не стал я в этот раз миллионером, – шутит Денис. – Сказали – форму 100 оформили б, если бы осколки глубже зашли. А так…

Он рубит воздух лопаткой.

На крыльцо выходит «Дрозд». Закладывает большие пальцы рук за подтяжки «по-ленински»:

– Андрей Владимирович, отвези одного страшного лейтенанта из первого батальона во второй. Дорогу знаешь?

– Конечно. А как я его найду?

– Он сам к тебе выйдет. Мы его по радийке кликнем. И это… – «Дрозд» мнется. – Расскажешь потом, что к чему? Как он тебе.

* * *

«Проза» проезжает пару деревень и съезжает на проселочную дорогу. В зеркала заднего вида из-за пыли и песка ничего не видно. Трава в степи выжжена августовским солнцем, лишь местами торчат метелки неизвестного растения. «Проза» специально искал в интернете название – не нашел. Иногда на метелке цветут желтые цветочки.

Над ним проносится тройка вертолетов: Ка-52, Ми-28, Ми-8. Идущий чуть сзади Ми-28 «Проза» успевает сфотографировать.

«Проза» подъезжает к первому батальону и останавливает минивэн в начале спуска в заросшую лесом балку.

КамАЗы выбили камни из колеи, и «Проза» прикидывает, цепанется ли за них днищем.

От двух батальонов в полку остались только тылы, в заросших лесом балках у Днепра прячутся склады топлива и ракетно-артиллерийского вооружения, в палатках живут водители грузовиков и мехводы бронетехники, ненужной на передке. Есть у БМД-2 экипаж? Нет ли? Механик-водитель у машины должен быть. Кроме того, у полка прилично ремонтно-эвакуационных (БРЭМ) и транспортных гусеничных бронированных машин – БТР МДМ и БТР-Д. Все они, замаскированные, хранятся здесь.

Из балки поднимается офицер: модную каску с прорезями

для наушников и бронежилет он навьючил на рюкзак, на втором плече автомат. У него птичье лицо: глубокие ямочки на щеках и острый нос. Здесь, на горке, ловит интернет, лейтенант говорит по телефону. Кивает «Прозе» и ходит взад-вперед неподалеку от машины, скорее не говорит, а слушает. «Проза» различает отдельные реплики:

– Да… Да… Я все понимаю. Да. Я тоже тебя люблю. Да, обещаю… Хорошо, давай. Здравствуйте, Сергей Алексеевич.

Слышен начальственный басок в трубке старлея, «Проза» напрягает слух.

«Не подведи нас… Ты же потомственный офицер…»

Старлей понимает по глазам «Прозы», что тот слушает их разговор, и отходит подальше.

– Да! Есть! Не подведу! Не будут больше жаловаться. Хорошо. До свидания. – Он отодвигает смартфон от себя и смотрит на экран, словно ожидая там изображение.

Слышен женский голос, но слов «Проза» различить не может. Старлей шмыгает носом:

– Пока! Целую!

Он отворачивается проморгаться, «Проза» садится в машину и запускает двигатель. Старлей грузит на среднее сидение свои два рюкзака.

– Вы «Филин»? – уточняет «Проза» на всякий случай.

– Да.

Между батальонами езды – десять минут, «Проза» за-

ливается соловьем, силясь развеселить и разговорить его. Тщетно. Старлей изображает интерес, задает правильные литературные вопросы, где положено, удивляется. Но ничего не рассказывает.

– Классная у вас каска, – замечает «Проза».

– Она прокручивается, – «Филин» рад смене темы. – Калибры в эту войну большие, осколок, прилетая по касательной, способен свернуть голову. А такая каска прокручивается.

На перекрестке «Проза» останавливается пропустить колонну: бронеавтомобиль «тигр», три танка, два КамАЗа. Впервые он видит такую тщательную организацию движения – между машинами интервал триста метров, стволы танков повернуты под небольшим углом по ходу движения в разные стороны.

Удивительно, как быстро человек привыкает к войне. Еще три дня назад «Проза» еле сдерживался, чтобы не фотографировать каждую железяку цвета хаки. А сейчас? Его машинка уверенно смотрится среди танков. Лишь из глубин подсознания всплывает древнее знание-воспоминание: «У танков нет зеркалец!»

* * *

В лес второго батальона «Проза» тоже не спускается, старший лейтенант выходит, а в машину просится солдатик в оч-

ках. Его «Проза» уже видел – в Сухой Балке на него ругалась бабка за хождение через огород. У солдатика широкое лицо и аккуратная борода, как у священника. «Проза» немедленно спрашивает его об этом. Женя – связист, он подтверждает:

– Да, я правда в семинарии учился, да не доучился!

– Почему?

– Женился неправильно. На разведенной женщине с ребенком. А священникам так нельзя жениться.

– А сейчас ты кто?

– Связист.

– Нет, в смысле – до армии?

– Учитель истории. Я из Еката.

«Проза» жалуется на неразговорчивого старшего лейтенанта. Женя мнется, но все же решается рассказать.

– Я «пятисотых» не осуждаю.

– Он «пятисотый»?

– Нет пока. Ему начальство условие поставило: или идешь на передок к бойцам, или увольняешься.

– А он?

– Выбрал передок.

Женя в зеркальце заднего вида видит, что «Проза» обрадовался такому выбору старлея:

– Не все так просто. На него… надавили, короче. А что на передке будет, никто не знает.

«Прозе» не хочется сознаваться, что он подслушал разго-

вор.

– Я сам еще проверку на вшивость не прошел, – соглашается он с Женей, – хрен меня знает, как я сам поведу себя под обстрелом. Так что я тоже никого не осуждаю.

– Да все у вас будет нормально. Не знаете, где деньги снять можно?

Конечно, «Проза» знает. Солдаты получают зарплату на карты русских банков, а в магазинах принимают только наличные. Вот бойцы и ищут, кому из местных можно перевести рубли, чтобы получить гривны. Местные дельцы на наших солдатиках наживаются безбожно. Но отыскать торговую точку с подобной услугой непросто: то связи нет, то деньги кончились, то меняла куда-то ушел. Вот и слоняются прибывшие с передка бойцы вокруг магазинов, машут телефонами в поисках устойчивого сигнала.

В двухстах метрах от магазина на земле лежит нечто рыжее, формой напоминающее ракету. «Проза» не выдерживает, тянется за фотоаппаратом к заднему сиденью.

– Это не ракета, – поясняет Женя. – Это стартовая ступень «панциря». Вас сфотографировать?

«Проза» остается ждать Женю у магазина. В ста метрах впереди на прицепе стоит «пион». Вокруг никого. Ни часового, ни расчета. Эти крупнокалиберные пушки на фронте – на вес золота, и вот так запросто бросить посреди улицы ценную технику? Удивительно! Но выразить возмущение или задать вопрос некому.

В этом магазине нет хлеба, «Проза» разворачивается и за поворотом аккуратно и медленно пробирается между танками, БТРами и грузовиками, забившими улицу.

Женя видит ларек, чья витрина высовывается на дорогу прямо из огорода, там очередь из солдат и местных жителей:

– Хлеб продают!

Они выходят из машины и становятся в очередь у ларька в ожидании хлеба.

Глава 5
Здесь и сейчас

Хлеб уже привезли, но еще не выложили, лишь аромат свежей выпечки разносится над пыльными акациями и армейской колонной, ожидающей переправу.

А «Проза» изучает лица людей. Две мамашки с симпатичными взрослыми дочками гуляли и завернули сюда. Женщины перестали кутаться в жару. Видать, привыкли к военным. Две старухи: одна плотная, вторая сухая, обе – в косынках, осуждающе теребят взглядами девочку лет 14, вставшую в очередь с чупа-чупсом во рту. Неряшливо одетый старик опирается на палку и красными слезящимися глазами изучает стартовую ступень «панциря», что рыжеет в траве. Все молчат. «Как быстро люди привыкают к танку на своей улице», – думает «Проза».

В глазах женщин – настороженность. Еще недавно они были нимфами и грациями, женами и мамами, принцессами-дочками. И вот уже полгода женщины живут с пониманием: никто не защитит: ни муж, ни отец, ни брат. Нет государства. Нет эмансипации, феминизма. Все испарилось. Есть только одетые в потное хаки мужики с контуженными глазами, «только что с передка». В глазах женщин, и молодых, и старых, общее невысказанное понимание: здесь они –

добыча. Как тысячи лет до сих пор. Усталые «вежливые люди» оскотиниться на войне не успели и девушек не трогают – хлеба бы купить. Но женщинам неуютно.

Над ГЭС из-за Днепра тонко взвивается звук сирены – воздушная тревога. Очередь не реагирует. Техника приходит в движение, лязгают гусеницы. Колонна рассредоточивается.

В голубом небе друг за другом лопаются белые шарики, это «панцири» сбивают HIMARSы. За вспышкой над головой следуют два разрыва: сначала перехваченного снаряда, следом – звук старта зенитной ракеты. Люди в очереди вздрагивают, кто-то пригибается, все молча считают вспышки. Все знают, что «панцири» не могут сбить все снаряды, и прилет будет! Будет прилет!

В глазах женщин – страх. Никто не защитит. Лязгают гусеницами русские мужские игрушки, в небе рвутся американские мужские игрушки. Инстинктивно мамашки с дочками шагают к «Прозе» спиной, так укрываются под деревом в непогоду.

Восемь! И? Девятый HIMARS падает в четырехстах метрах на околицу. Очередь издает стон. Женский стон. Дребезжат оконные стекла, где-то что-то вылетело. Над деревней вырастает облако бетонной пыли, которое тут же сменяется черным дымом пожара.

– Шиномонтаж, – скрипит старик.

В глазах женщин ужас. Кто-то пытается вырвать руку из материнской, кто-то настаивает, что хлебушка надо купить. Девочка, выронив чупа-чупс, убегает в сторону пожара.

«Проза» уже не может видеть этих глаз.

Из глубины души вырастает что-то древнее, звериное, первобытное. Он разглядывает столб дыма над деревней и вдруг понимает: с этим дымом только что улетучилась его мирная жизнь. Что все деньги мира – пыль. И «Проза» не просто так оказался среди этих мужиков в зеленом. Теперь он – в строю. И он готов защищать этих женщин и детей…

Своих женщин и детей…

Наших женщин и детей…

Чужих женщин и детей…

«Еще вчера тебя бесило нелепое русское государство с коррупцией и бюрократией, – думает «Проза». – Теперь ты и есть русское государство. Здесь и сейчас».

По возвращении в штаб «Проза» видит, как часовые беседуют с двумя местными. Парень и девушка. Вот так, запросто?

Люди, ау! Вы подходите к замаскированному военному объекту, по сути, демаскируете его. На что вы надеетесь? Вы ищете приключений? Вы их нашли!

Но ни КГБ, ни ФСБ, ни СМЕРШ, фильмами о которых пугают обывателей, у десантников нет. Особист в дивизии

один!

«Прозу» как советского почти офицера организация караульной службы умиляет. Часовые сидят, курят, болтают, не отрываются от телефонов. Не сдержался, спросил у «Дрозда»:

– Что за хрень?

– А все на сознательности, – отвечает начштаба, – бойцы опытные, обстрелянные, и начкар не нужен. Сами ведут график, сами друг друга будят, сами меняются.

– Ну не все без проблем, – встревает в разговор капитан-кадровик «Селен», – наш водитель КамАЗа сегодня уснул на посту. Я у него автомат забрал. Бегало потом это чудо – искало оружие.

– Белобрысый такой? – спрашивает «Дрозд».

– Да. Сибиряк.

– А болтовня с местными? – возвращается к прежней теме «Проза».

– Понимаешь, – отвечает «Дрозд», – если все делать по правилам: колючка, предупреждающие надписи: «Осторожно, мины», «Стой, кто идет» – местные взвоют! Они же тут ходили и ездили на велосипедах всегда! Всю жизнь! Не стрелять же по старухам? Вот и стараемся сидеть тихо.

* * *

В обед «Проза» увозит к границе тех, чей контракт окон-

чился. Едут через Херсон. Крюк объясняется тем, что мост Каховской ГЭС поврежден HIMARSами, и легковые машины не пропускают.

Один из попутчиков «Прозы» спит на заднем сиденье, второй – Юра – жаждет общения. Юра носит черную бороду, но голова обрита, на затылке татуировка – штрих-код с кулаком в середине. Юра из Башкирии, он пришел служить по контракту по убеждению:

– За идею, а так я – монархист.

Его глаза на загорелом лице блестят, когда он спорит с «Прозой» о русской национальной идее и русском мире.

По мнению Юры, русская национальная идея – справедливость. Но «Проза» не согласен: справедливости мало для позитивной картины русского будущего. Нужно найти ответы на вопросы: как людям строить жизнь, вести хозяйство, зарабатывать?

Блокпосты на дорогах Украины расположены хаотично, дежурят на них чаще всего ополченцы, реже – военная полиция, машины с украинскими номерами останавливают для проверки. Обычно это сооружения из бетонных блоков и мешков с песком, прямой проезд перекрыт.

«Ситроен» «Прозы» – без номеров, с буквами V на стеклах с четырех сторон и на капоте – блокпосты пролетает по встречке, достаточно лишь ладошкой помахать. Взмах руки – символ – свои! Рождается чувство общности, и теплеет на душе.

Кроме всего прочего, Юра – байкер, «ночной волк», он с удовольствием рассказывает, как они встречались с Путиным, тот слушал, а потом делился мыслями «волков» с высокой трибуны. Это так важно, когда тебя слышат.

В поле слева лежит сбитый украинский самолет. Изуродованный хвост с остатками серого натовского пиксельного камуфляжа торчит из рыжей травы. Шоссе становится лучше, Херсон близко.

По сравнению с Новой Каховкой улицы полны народу. Девушки не боятся ходить в легких платьях. Военных почти не видно. На центральной улице две очереди: одна – за паспортами (российский триколор над дверью), вторая – за пенсиями в «Промсвязьбанк».

«Проза» останавливает машину около ЦУМа, цены указаны в российских рублях, в гривнах чуть ниже и мелкими буквами. «Проза» радуется объявлению о приеме российских карт «Мир», но преждевременно. Объявление висит, но карты еще не принимают.

– Представляешь, на пятнадцать минут всего разминулись, – мужчина у прилавка обращается к продавщице, он стоит спиной к «Прозе» и не видит вошедших военных. – Когда уже начнут бить по центрам принятия решений?

Все-таки счастливые люди живут в Херсоне. Украинская артиллерия не складывает их дома, не засыпает парки противопехотными «лепестками». Да, американцы бомбят ракетами Антоновский мост, но стреляют редко и аккуратно.

«Проза» вспоминает о пустом термосе и останавливается у кофейни. В зале пусто, телевизор крутит видеоклипы без звука. Единственный посетитель изучает ноутбук за столиком. Явно хозяин, перед ним нет ни еды, ни питья. Девушка за барной стойкой смотрит на вошедших волком. «Проза» пожимает плечами – ну не нравимся мы ей, понятно. Возвращается с полным термосом к машине, она догоняет:

– Я забыла спросить, сколько вам сахара?

Получается, «Проза» ошибся в оценке ее холодного взгляда?

Вот и переправа, Антоновский мост американцы все-таки разбили, поэтому на паромную переправу огромная очередь.

«Проза» проезжает в голову колонны гражданских машин, ребята демонстрируют на блокпосту свои дембельские предписания, «ситроен» сразу ставят на понтон.

Наконец, забитый транспортом паром отходит. Боец-паромщик немедленно разворачивает спиннинг. Мальчишки – везде мальчишки, даже на войне. Но появляется старший и тут же пресекает рыбалку. Недовольный боец молча уносит спиннинг.

– А почему сюда стоять на паром четыре дня, а обратно только шесть часов? – спрашивает у него «Проза».

– Не знаю. Может оттого, что мы долго не работали?

Военные инженеры вместо броника носят спасательный жилет и выглядят аккуратнее десантников.

Гражданский «каблучок» в двух машинах впереди распа-

хивает заднюю дверь, там импровизированный ларек. Гражданские и паромщики покупают хлеб. Многие начинают есть тут же, отламывают куски от лепешек. Двигатели автомобилей выключены, народ толпится рядом, жарко. Хорошо еще, что от Днепра веет хоть какой-то прохладой.

– Вода теплая? – спрашивает «Проза», не обращаясь ни к кому конкретно.

Рядом семейная пара примерно его возраста.

– Должна, – отвечает мужчина.

– Мутная, – морщится женщина.

– Илья в воду нассал – вот и мутная, – выдает теологическое заключение о погоде мужчина.

Катер, толкающий паром, один из четырех, брызжет водой на надпись «Закрыть собачку». Капли долетают до «ситроена», «Проза» подставляет ногу – вода теплая.

Антоновский мост возвышается над всеми. Взгляды людей все чаще обращены вверх: где же разрушенный пролет? Почему мост закрыт?

Но вот паром приближается к нужному месту. Дырок, как на Каховском мосту, снизу не видно, лишь искореженная арматура свисает оттуда, куда попали американские ракеты. Таких мест несколько, видимо, и правда площадь повреждения дорожного полотна значительная.

Народ достает смартфоны – сделать фото, но старший парома командует:

– Телефоны не включать!

На фронте бытует уверенность в способности американцев наводить ракеты по сигналу сотового телефона.

Ну вот и все! «Ситроен» обгоняет «панцирь», курсирующий по шоссе у моста, и машина оказывается на хорошем шоссе Херсон – Новая Каховка. Единственная дорога, отремонтированная майданной властью, встреченная «Прозой».

Шины гудят.

– Асфальт «гуськами» разрушен, – комментирует Юра.

«Проза» смеется новому названию танковых гусениц.

Начинается разговор о войне. Юра рассказывает о последних боях, где участвовал.

– Занимать украинские позиции нет смысла. Сразу попадаешь в огненный мешок. Окопы пристреляны с точностью до метра. Доты бетонированы, внутри противогранатные ловушки. Мы их долбим-долбим, а они продолжают отстреливаться. Пулемет и «граник». Гранатами забрасываем – без толку – отстреливаются. Выкурили «слезняком». Сдались пятеро, четверо простых вэсэушников, пятый – нацик, весь в наколках. «Чего не сдавались?» – спрашиваю. – «Нацик не давал». Нацики у них в каждом подразделении, кем-то вроде комиссаров. И заградотряды из них же стоят. Простых мужиков не жалеют.

Дорога идет через заповедник Аскания-Нова. Ржавые обгоревшие леса, рыжая хвоя, черные стволы по обе стороны дороги.

Вот этот лес и есть символ Херсонщины: высаженный дав-

ным-давно ровными рядами лес не погиб, а вцепился корнями в землю и ждет русской весны. Неестественная красота. Неземная стойкость.

– Танк подбить невозможно, – утверждает Юра. – Ездит между бетонными капонирами на том берегу Ингульца, позиций у него четыре или пять, стреляет 6–10 раз навесным огнем, он на семь километров может стрелять, только ствол из капонира торчит, и тут же меняет позицию. Нашей авиации мало, на каждый танк ее не навызываешься. Укров жалко. Атакуют тремя пехотными волнами по пятнадцать человек, как в Первую мировую. Без бронетехники, без ничего. Первая волна остается на перезарядку, вторая и третья выдвигаются вперед, огонь ведет вторая.

– А вы?

– Для нас сигнал к их атаке – прекращение артобстрела. Мы их встречаем, конечно. Потери у них от нашего огня страшные, – Юра вздыхает.

– Жалко их?

– Жалко. Бессмысленные жертвы.

– Небессмысленные, – возражает «Проза» – Слушал я как-то еврейских аналитиков. Они считают, что Путин сделал для этногенеза украинской нации больше, чем шевченки, шухевичи и бандеры вместе взятые. Спецоперация дала бывшим русским и малороссам повод сплотиться и осознать себя украинцами.

– Это по Гумилеву? – спрашивает Юра. – Нации рожда-

ются и умирают, как люди?

– Да. В этих бесполезных атаках сгорают самые лучшие украинцы, самые идейные, самые фанатичные – все те, кто способен на подвиг. Пассионарии. Выживут только «хатаскрайники». Денацификация – это способ прервать этногенез украинской нации. В истории хватает таких примеров… прерванного этногенеза.

– Все равно – жалко… – Юра молчит некоторое время. – А для американцев и мы, и они – русские.

– Да. Это большая стратегическая победа Америки, – русские убивают русских. Здесь и сейчас.

Юра отворачивается и некоторое время смотрит в окно.

– А например? Прерванный этногенез?

– Ну вот смотри. Русские в 1913 году. У нас с теми русскими сейчас нет ничего общего. Мы по историческим музеям ходим, как будто египетские пирамиды смотрим. Археологический интерес. Никто из нас не захочет жить так, как жили наши предки – ни в деревне, ни в городе. А что случилось? Большевики русскому народу переломили хребет. Точнее, сломали русскую деревню: коллективизация, война, а потом укрупнение колхозов при Хрущеве.

– Да ладно? – не верит Юра.

– Коммунисты строили новую историческую общность – советский народ.

– И почти построили?

– Нет! Построили бы – Советский Союз не развалился бы.

Советский народ – еще один пример прерванного этногенеза.

Юра минуту молчит, потом морщится:

– У наших в этой войне тоже гибнут лучшие.

* * *

«Проза» возвращается от границы один. Проезжает место, где в феврале авиация настигла украинскую колонну. Технику с проезжей части убрали, лишь остатки сгоревших шин, этот зловещий символ майданной Украины, остались на трещинах шоссе. В кюветах ржавеют выброшенные взрывом двигатели, в небо, подобно виселице, устремлена изуродованная станина орудия.

«Проза» пробует пересечь Днепр по Каховскому мосту. По слухам, его уже открыли для гражданских машин. Не хочется делать крюк через Херсон.

Навигатор обещает, что в 20.20 «Проза» уже должен быть на месте, но у самой дамбы в темноте в ста метрах от «ситроена» вдруг стартует зенитная ракета.

Потом по другую сторону дороги еще и еще. «Проза» оказался рядом с позицией «панцирей», которые отражают атаку HIMARSов.

«Проза» глушит мотор и в темноте ждет, замерев от страха.

С его позиции не видно и не слышно разрывов в небе,

только старты ракет.

«Проза» ждет прилетов по мосту.

Он помнит, что «панцирь» сбивает две ракеты из трех. Очень редко три из четырех.

Но, видимо, не только солдаты в курилке обсуждают нехватку ПВО, сегодня защита дамбы усилена, и «панцири» сбивают все выпущенные американцами ракеты, ПВО отрабатывает на 100 процентов.

«Проза» различает, что ракеты стартуют из разных мест по обе стороны дороги. Значит, оказался посреди позиции батареи.

Дождавшись окончания обстрела, «Проза» суется на мост, но его не пускает военная полиция. Мост закрыт до утра. Приходится ночевать в городе.

«Проза» ужинает водой и чипсами. В единственном круглосуточном кафе в Новой Каховке больше ничего нет, и он едет ночевать на парковку около военной комендатуры.

Охрана смеется:

– Вы понимаете, что мы – цель?

– Понимаю, но у меня приказ ночевать здесь.

Неужели я, липкий, потный после жаркого дня, буду впервые спать грязным, – думает «Проза».

Но начинается ливень, «Проза» сбрасывает с себя одежду и принимает душ под открытым небом.

Глава 6
Огонь, вода и медные трубы

Пока «Проза» ездил на границу, штаб переехал в винные погреба.

Спуск от деревни ведет на огромную парковку, способную уместить десяток автобусов с туристами. Парковка заросла травой, пробившейся между плитами. Ивы и ореховые кусты разрослись. Фонтан пересох, вокруг него чугунная решетка с одинаковым орнаментом с метр высотой. Серп, молот, виноградная гроздь – весь орнамент на секциях решетки, все заржавело. Похоже, за оградой не ухаживали с 80-х. Отдельное здание – туалет-сортир, такой же, как и наверху. За каменной оградой у туалета – небольшая свалка, тоже заросла. Напротив погребов когда-то был вид на Днепр. Но после строительства ГЭС река стала уже, отмели заболотились и заросли лесом. Там квакают лягушки и хлопают крыльями утки. Левый берег Днепра виднеется вдали, из-за деревьев видны редкие высокие строения городка Днепряны.

В самих погребах сыро и холодно, как в могиле, хотя на улице +37°. В погреба ведут три тоннеля, где оборудованы подсобные помещения. Там можно жить. Для штаба выбрали центральный вход, где, видимо, проводились дегустации. Стены богато украшены деревом в стилистике 80-х го-

дов прошлого века. Сюда в ряд ставят столы, у левой стены оборудуют спальные места – отгороженные плащ-палатками раскладушки. Жить можно.

«Проза» ложится подремать.

Сквозь сон он слышит возбуждение, шумят рации, звонят телефоны спецсвязи, они старинные, дисковые без памяти и определителя номера.

Когда «Проза» выходит поздороваться, «Дрозд» говорит ему:

– Раизов – красавец, в четыре тридцать утра спокойно так выходит на связь и докладывает: чистим последние дома Благодатовки. А их всего пятнадцать человек. Сейчас приедет доложить подробности – не уходи далеко.

* * *

Старший лейтенант Джумабай Раизов носит бородку и усики как у д'Артаньяна. На самом деле ему просто некогда побриться.

Склонившись над столом, он водит кончиком ручки по карте и докладывает начальнику штаба:

– Мы прошли к этим ангарам сразу за артой. Нас там ждал танк. Но танк больше шести-семи выстрелов не делает. Переждали, коптер на 150 подняли, вперед. Закрепились, опустили коптер, батареи сменили, снова подняли, снова вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.